

О том, что такое библиотека-комбинат и как ВГБИЛ помогала в борьбе с фашизмом

<https://oralhistory.ru/talks/orh-397-398>

31 августа 1974

Собеседник

Рудомино Маргарита Ивановна

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 31 августа 1974 и опубликована 13 ноября 2020.

Введение

Во второй беседе Маргарита Рудомино продолжает рассказ о трудных буднях созданной ею Библиотеки иностранной литературы. Защитив библиотеку от закрытия и благополучно переехав в Исторический музей на Красной площади, Маргарита Рудомино вскоре столкнулась с необходимостью искать новое помещение. И снова ей пришлось действовать по своему темпераменту и за гранью дозволенного, на этот раз самовольно заняв здание церкви Космы и Дамиана в Столешниковом переулке, предназначенное для другой организации. В годы Великой отечественной войны силами библиотеки были организованы курсы по обучению военных готическому шрифту, а библиотечные фонды — отправлены в эвакуацию. В разные периоды по-разному нависала угроза самому существованию библиотеки, например, после войны такой угрозой стало созданное по решению Сталина издательство «Иностранная литература», которому передавались функции, выполняемые библиотекой.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Маргарита Ивановна, ну, значит, мы с вами... Две недели или даже больше прошло... Я вижу: материал у вас огромный. Мне очень хочется, чтобы вы рассказали... развернули передо мной хотя бы частично ту галерею людей, которые вам встречались. Ну, ваша Библиотека сама по себе настолько значительное явление, [что надо] о ней записать полно. Сегодня, значит, мы продолжаем вашу историю Библиотеки. Но может быть, вы перед этим хотели бы вернуться к чему-нибудь, что относится еще к первым годам, то есть к тем годам, которые мы уже прошли? Мы дошли, по моему, до 32-го года, так?

Маргарита Ивановна Рудомино: Примерно да.

В. Д.: Ну, это, конечно, пожалуй, наиболее важно, поэтому если у вас есть еще какие-то дополнения, то давайте сейчас с них и начнем. Пожалуйста.

М. Д.: Хорошо. Я в прошлый раз [останавливалась на] переселении нашей библиотеки в 24-м году из помещения в Денежном переулке, которое было передано под квартиру тогдашнего наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского, и переезда в Исторический музей, где библиотека получила свое дальнейшее развитие и на этом деле очень выиграла, и библиотека сумела действительно как-то оформить свое состояние и быть признанной уже там, где она до сих пор не была признана. Дальнейшему улучшению развития этой библиотеки опять-таки послужило помещение. Может быть, не надо было бы подробно останавливаться на помещениях, но иногда, знаете, так же, как и в жизни человека, это играет большую роль. А для нашей Библиотеки иностранной литературы...

Мы переезжали до нашего нового здания раз девять из каждого помещения в другое, и каждый раз получалось так, что это помещение давало возможность еще дальше завоевать аудиторию.

В. Д.: Был толчок, который... Вообще это какие-то вехи даже и в истории Москвы.

М. Р.: Да. Это ведь не только площадь... площадь тоже играла очень большую роль, потому что при большей площади можно больше развернуть работу, большее количество читателей обслужить, но тут играла роль и самая задача библиотеки: можно было развивать ее в дальнейшем и можно было новые задачи ставить перед этой библиотекой и именно в соответствии с теми задачами, которые ставило государство в области культуры первых лет советской власти.

Когда мы переехали в Исторический музей, как я говорила, библиотека на этом очень выиграла, но не выиграл на этом деле Исторический музей: во-первых, потому что мы заняли у них помещение — раз, хотя это помещение должно было быть какой-то там музей восточных культур, но все равно то было как раз ему гораздо ближе, чем библиотека иностранной литературы. Вход был один и тот же, и это мешало общему ритму жизни Исторического музея, поэтому Исторический музей делал уже все, чтобы нас как-то выселить, переселить или, может, даже и прикрыть, не знаю, что там. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Хотя мы уже в декабре 25-го года, кажется, я об этом уже говорила, переехали из этих царских хором Красной площади на проезд Иверской часовни с отдельным входом, отдельная была квартира, но все равно это занимало помещение самого Исторического музея. В это время в Москве был поставлен вопрос о расширении входа на Красную площадь...

В. Д.: Простите, а вот вы говорите... Разве у вас был вход не с Иверского проезда?

М. Р.: В самом начале, когда мы переехали, вход был общий, главный, который выходил на Красную площадь. Там мы пробыли полтора года. После этого, когда освободилась квартира заместителя директора Юрия Владимировича Сергиевского, то нам была предоставлена его квартира. Там был вход к Иверской часовне и к воротам Бориса Годунова. Так вот, встал вопрос среди москвичей того времени, я уже не знаю, как, что снести Иверскую часовню — раз (она действительно была бельмом в уже советской Москве, потому что туда приезжали со всех концов и городов эти богомольные), а с другой стороны, ставился вопрос и о сносе ворот Бориса Годунова для увеличения входа на Красную площадь. Ну, группа архитекторов поставила вопрос перед правительством о том, чтобы сохранить старые ворота, принадлежащие, кажется, XVII веку, построенные еще вот при Борисе Годунове, и предложили сделать большую выемку в самом Историческом музее, которая дала бы возможность входа на Красную площадь. Выемка эта как раз попадала в то помещение, где была наша библиотека. Ну, и тут же последовало постановление о том, чтобы библиотеку перевести в какое-то другое место. Нужно сказать, что те требования Исторического музея, которые были поставлены еще за год — за полтора до этого... Это было... сейчас... это было летом 29-го года, а мы начали себе уже искать помещение буквально с 27-го года. Облазили все церкви, которые нам давал Моссовет, которые закрывались. Все было как-то страшно неудачно. Даже одно время остановились на церкви Покровского монастыря, которая помещалась за Московским университетом, там где сейчас Кремлевская больница, по улице, по моему, Грановского, так кажется, называется... Я не помню, как называлась эта улица, это даже продолжение, в общем, это там, около Никитских ворот, по ту сторону Московского университета.

Переезд библиотеки в церковь Космы и Дамиана

В. Д.: Она цела сейчас, эта церковь?

М. Р.: Нет, эта церковь сейчас снята. Но та церковь тоже, конечно, не подходила. Нам очень подходила и нам очень хотелось еще в свое время получить церковь на Столешниковом переулке Космы и Дамиана, но, к сожалению, эта церковь была передана АХРРУ, это Ассоциация художников революционной России, и мы, так сказать, уже с этой церковью опоздали. Так вот, теперь, когда встал экстренный вопрос о выезде из этой церкви...

В. Д.: Как? Простите...

М. Р.: То есть, простите, выезде нашей библиотеки и перевод ее куда-нибудь в любую церковь, я сейчас же побежала к заведующему Главнаукой, тогда был [Мартын] Николаевич Лядов. Лядов — это старый большевик с 1893 года, соратник Ленина, очень уважаемый человек был, старик уже был, хотя по годам, вероятно, не более шестидесяти, но мне уже казалось по тому времени, что это уже глубокий старик...

В. Д.: Он старше Ленина значительно.

М. Р.: И Лядов поехал со мной вместе в Моссовет. Нас принял один из замов, фамилию я уже, конечно, не помню, который, имея постановление о немедленном выселении нашей библиотеки, конечно, готов был помочь всем, но у него тоже не было этих помещений. И вот тут я встала и поставила вопрос относительно этой церкви Космы и Дамиана. Он тут же ответил: «Ну подождите, мы ее передали АХРРУ». Посмотрели, когда передали АХРРУ. Оказывается, передали АХРРУ еще в апреле месяце 29-го года. Что сделал АХРР? АХРР единственное, что сделал, — это вывез все иконы там, алтарь, приделы разрушил — и все. Но фактически даже еще не начал ремонта. Ну, я со свойственной тогда молодой легкомысленностью... легкомыслием, я сейчас же говорю: «Ну давайте мы ее займем!» Ну, я вижу, что из этого ничего не выходит, что постановление есть постановление, и постановления нужно слушаться. И я тогда говорю: «Ну а что, если мы туда возьмем и въедем?» Ну, он посмотрел на меня, вероятно, подумав, что строптивая девушка, но как-то ничего не ответил. Я тут же сообразила, что, вероятно, он бы сам ничего против не имел бы нам передать и этим самым отвязаться и от этого вопроса, тем более что это был... это был июль-август, а с апреля месяца почти ничего не было сделано. Другими словами, я сейчас же потянула Лядова, Лядов очень хорошо относился ко мне: «Михаил Николаевич, едемте». И вот в машине я ему говорю: «А что, если я туда въеду?» Он говорит: «Ну что вы! У вас ключи есть?» Я говорю: «Нет, ключей нет, конечно». «Ну, — говорит, я ничего не знаю».

В. Д.: Сквозь пальцы смотрел.

М. Р.: Сквозь пальцы смотрел. Я это, значит, сразу сообразила, что здесь можно что-то такое сделать. Разрешение — вряд ли. Постановление есть постановление...

В. Д.: Но там ремонт, оборудование...

М. Р.:... Я сейчас же в библиотеку. Это была уже вторая половина дня. Я говорю: «Немедленно давайте переедем!» У меня была одна тоже такая же отчаянная сотрудница, которая говорит: «Ну как же мы туда переедем? Действительно, это не очень далеко, но ведь нужны лошади...» Кто-то сообразил, что в Охотном ряду, где еще продавалось мясо и рыба, там телеги, которые развозят или привозят, они, может быть, еще свободны. Значит, быстро мы помчались с этой вот моей сотрудницей, это Лидия Никифоровна была такая, действительно очень быстро нашли три подводы. Эти три подводы завернули, прямо подъехали к Историческому музею. Тогда еще можно было ездить на Красную площадь (*усмехается*), особенно вначале. Погрузили... Да, мне кто-то сказал: «Но имейте же в виду, что ночью кто-то должен продержуричь». Замков как нарочно ни у кого ни одного не было. Ну, мы, значит... Я говорю: «Давайте брать те книги, дублетные, которые еще не записаны, в общем, какое-нибудь старье». В эти мешки, которые были на этих же самых телегах...

В. Д.: Грязные были?

М. Р.: Единственное, что они не воняли рыбой или мясом. Мы туда напихали книги, и вот так вот мешков, вероятно, пятнадцать, а может быть даже и больше, наложили на эти... Нет, конечно больше: три телеги, я помню, было. Ну, и мы на этих же телегах подъехали по Тверской прямо в Столешников переулочек. Угол Тверской и Столешникова переулочка была эта церковь. И мы ее заняли. Там замка не было, но там была, к сожалению, печать. Мы постояли над этой печатью, но я ее быстренько взяла и сорвала. Я решила, пусть будет что будет! (*Дувакин смеется*). Денежный переулочек, когда я тогда тоже не подчинилась, он мне стоил многих неприятностей, но неприятности потом кончились. Как вы помните, с меня выговор сняли и все. Ну, я думаю, тут то же самое. Не себе же я дачу строю. Я же делаю государственное дело. Мы, когда перенесли туда, уже наступил вечер поздний, рассчитались с этими подводами и остались вдвоем...

В. Д.: У вас были деньги рассчитаться?

М. Р.: Да, были деньги, деньги были, потому что тогда еще был платный абонемент. Я только думала о том, как я их проведу, эти деньги, потому что, конечно, это в смете не предусмотрено. Ну, я уже не помню. Это та деталь, мимо которой все прошло. Вероятно, все это было оформлено. Так вот когда мы вошли с ней вместе, было уже темно. У нас не было... Значит, замка у нас не было, чтобы закрыть... И какой же у нас выход? К счастью, одна сотрудница, молоденькая девчонка, она не ушла, и я попросила, чтобы она прошла домой ко мне предупредить мужа, что я останусь здесь ночевать. А Лидия Никифоровна жила рядом, очень недалеко от улицы Горького, и она сбегала сама домой и сказала о том, что она останется, и еще принесла булку с чем-то, и этим самым мы поужинали.

И вот остались мы на ночь. Ночь была жуткая. Ночь была жуткая! Во-первых, не было никакого огня. А самое ужасное то, что были крысы, которых мы не предусмотрели. Крыс, конечно, мы боялись, особенно я ужасно боялась, она как-то меньше. Она была моложе меня, и мне даже сейчас как-то немножко стыдно вспомнить, что я не побоялась снять печать, а боялась этих крыс. (*Смеются*) Эти крысы, слава богу, занялись мешками. Мы уже решили: бог с ними! Только чтоб они бы не нами... Ну, где-то как-то мы все-таки эту ночь провели, так, в полудреме, в полу... спали. И наутро, когда мы вышли (мы решили по очереди, что я сначала пойду сейчас домой, а потом пойдет она, а я кого-нибудь пришлю), то я была поражена: на крыльце, на паперти, при входе, нет это не паперть, ну, уже на ступеньках, было полно уже богомолков. Уже разнесся, вероятно, слух, что туда переехали... Хотя церковь уже была демонтирована, уже в церкви никакого церковного имущества уже не было, а были только стены и там всякая рухлядь, которая была наложена, и крысы и наши, значит, пятнадцать-двадцать мешков. Но эти кумушки вокруг нас собрались и вокруг меня, прямо мне даже проходу не было. Но мы настолько были тогда антирелигиозны, более чем сейчас (*усмехаясь*) потому что нам это было и смешно и как-то такое... мы убедительно начали доказывать, что гораздо важнее у Космы и Дамиана начало письменности нашей, России... Это было... Ну, я лучше сейчас не буду вспоминать. Это нужно еще раз вспомнить... это было очень тесно связано: Кирилл и Мефодий... Я ошиблась, когда говорила. Ну, где-то как-то доказали...

В. Д.: Так, подождите, но церковь ведь уже была запечатана...

М. Р.: Церковь была запечатана, но, вероятно, соседи смотрят... Разнеслось все-таки, ведь мы все-таки три подводы-то ввели туда.

В. Д.: Но какой смысл богомолкам-то был?..

М. Р.: Ну, они не давали, они протестовали. Они все время протестовали.

”

Это, нужно сказать, старые москвичи, они должны еще и сейчас помнить: любую церковь, которую закрывали, конечно, эти кликуши, они всячески отвоевывали, не имея на это никаких ни оснований, ничего, но все равно шуму было вокруг этого много.

Ну, на это уже не обращали никакого внимания. Вот. Вот таким образом мы переехали в эту самую церковь. Ну, а дальше пошло как-то очень странно. АХРР... Во всяком случае, я как заведующая (тогда еще не было директора) библиотекой, я ни одного раза не разговаривала с АХРРом. Вероятно, это...

В. Д.: АХРРу плевать было.

М. Р.: Может и так, может... Потому что АХРР уже тогда, в конце 29-го года, переживал уже, может, свои такие последние дни... ну, может быть, месяцы, год, я уже не помню... Тогда и РАПП, и АХРР...

В. Д.: Это в 32-м.

М. Р.: Ну, может, к тому времени... Я не знаю, я не могу понять... Ну, а может действительно не было энтузиастов, которые бы хватались за это помещение, а может быть, им и не нравилось это помещение. Во всяком случае, с АХРРом я ничего не помню. Я только знаю, что Лядов через некоторое время меня вызвал к себе и вручил мне ордер на это помещение. Это уже он сам сделал через Моссовет. А мне даже, немножко усмехнувшись, сказал: «Ну и молодец!» Чему я была очень довольна (с улыбкой). И когда я сейчас рассказываю иногда о своей библиотеке, я именно этот случай вспоминаю, когда говорю, что, если б по закону все бы пошло, то, возможно, и не было бы этой библиотеки, потому что действительно это новое здание, как это ни странно, эта церковь, она сыграла очень большую роль в развитии этой библиотеки, и примерно до войны она за эти последние десять лет раза в два — в три, а может быть и больше раза она увеличилась... Объем своей работы, а главное, она очень сильно подняла удельный вес этой библиотеки.

С дочерью Марианной на открытии выставки. 1940 г. Источник: архив семьи Рудомино

Ну, должна сказать, что нам очень повезло: потому что нам Главнаука тогда очень помогла, дала нам строительную организацию. Нужно сказать, что и Моссовет нам тогда помог. В общем, это был тот момент, в счастливую струю которого библиотека попала. Ремонт был сделан прекрасно, вплоть до того, что мы были показаны на каких-то даже выставках, как из церкви можно сделать действительно настоящее культурное учреждение. В середине мы сделали книгохранилище

двухэтажное, по бокам у нас были открыты залы: один читальный зал, другой консультационный зал. Затем в конце этого были все административные комнаты. Над книгохранилищем мы еще сделали такой полуэтаж, там у нас была обработка. И еще даже у нас купол оставался свободный как резерв. Мы действительно так его, это война уже помешала, а то мы хотели тоже там сделать еще один этаж. В общем, эта церковь была прекрасна, прослужила нам. Во время войны она была просто нашим книгохранилищем, и в залах поставлены были стеллажи, когда мы уже получили новое помещение на Лопухинском переулке. А сама работа библиотеки, она, конечно, значительно увеличилась.

Здание по адресу Лопухинский переулок, 6, где располагалась Библиотека в 1943—1948 гг. Источник: архив семьи Рудомино

В. Д.: Можно два вопроса к этому? Ну, во-первых, сейчас церковь эта существует или нет?

М. Р.: Сейчас церковь существует. Она до последнего времени была... принадлежала библиотеке. И даже когда мы получили новое здание, она была библиотекой. Но в последний момент министерство культуры, сделав нашу же типографию министерской, уже это помещение взяло себе. Это помещение очень старое, это 1712-й...

В. Д.: Оно имеет историческую ценность?

М. Р.: Историческую ценность имеет. И оно под охраной государства, но архитектурно оно ничего не имеет.

В. Д.: С точки зрения искусства эта церковь не представляет?..

М. Р.: Нет, не представляла и не представляет, но она именно как старая, которой уже больше двухсот пятидесяти лет, она, вот как видите, сохранена, и там сейчас типография Министерства культуры СССР, которая... Эта типография была когда-то нашей библиотечной типографией. И от этой типографии в нашем новом здании у Яузских ворот имеется филиал типографии.

В. Д.: А то, что все выкинули оттуда, неизвестно где это находится?

М. Р.: Нет, это я не знаю. Этого я не знаю. У нас ничего не осталось. Ремонт сделала наркомпросовская контора, которая сделала очень хорошо. И в феврале 30-го года мы сделали новоселье. Новоселье нам открывал уже новый начальник Главнауки, это был Иван Капитонович Луппол, на этом новоселье был Халатов, тогда он был директором Госиздата...

В. Д.: ГИЗа.

М. Р.: Ой, ГИЗа!... И вообще очень много людей. И я считаю, что это был очень большой шаг к развитию нашему дальнейшему.

О популяризации иностранных языков

И вот тут я тоже могла бы тоже продолжить. Я в прошлый раз когда говорила о том что библиотека являлась родоначальником многих новых учреждений, главным образом я остановилась на подготовке преподавания иностранных

языков, а сейчас мне хотелось бы рассказать, что библиотека дала очень широкую такую возможность вести массовую работу тоже по изучению иностранных языков и ознакомлению с лучшими достижениями зарубежной литературы как старой, так и современной, вот в этом новом помещении.

Я в прошлый раз уже сказала, что нам очень помогло в 28-м году, нет, вернее, это было в августе 29-го года примерно, в то же самое время постановление ЦК партии об овладении партактивом иностранными языками. И все пессимистически настроенные люди к этой библиотеке, они невольно должны были отойти в сторону, [потому] что изучение иностранных языков получило не только права гражданства, но и наоборот, даже стало в то время очень таким важным моментом в развитии культуры нашего государства. Вскоре был брошен лозунг «Иностранные языки — в массы!». Стала гораздо шире издаваться переводная литература, проходила большая воспитательная работа как в школе, так и, вероятно, во внешкольном образовании — это знание иностранных языков и в связи с этим изучение их.

Наша библиотека сыграла большую роль. Ну, относительно организации первого высшего учебного заведения на базе наших курсов иностранных языков я сказала. А здесь новое помещение дало возможность организовать специальный консультационный зал. Тогда он назывался «Учебный зал». Этот «Учебный зал» имел преподавателей-библиотекарей. Я говорю «библиотекарей», но на самом деле это были просто преподаватели, но ставки у нас были библиотекарей, которые имели повышенную зарплату, зная иностранные языки и имея педагогический опыт. Эти преподаватели-консультанты вели на французском, немецком и английском языках (в дальнейшем даже испанский, итальянский, русский для иностранцев), вели занятия индивидуальные и коллективные. Учебников было очень мало. Они сами составляли учебники для отдельных курсов и ежегодно, даже два раза в год проходили вечера смотра.

Вот о таком вечере я очень хорошо помню. Это, может быть, даже было позже, но этот вечер произвел очень большое впечатление и был довольно много описан в нашей прессе. Это на иностранных языках выступали читатели. Читателей половина, а может даже больше половины, это были рабочие. Библиотека сумела к тому времени организовать филиалы на заводах, в метро...

Я вот сейчас вспоминаю, как одна метростроевка, когда пришла к нам в библиотеку, она знала только латинский алфавит, но немецкого языка она совершенно не знала. Она выучила у нас немецкий язык настолько, что смогла рассказать о своей работе по постройке метро в городе Москве, первого метро...

А, это было, по-моему, в 34-м году, тогда когда как раз первое метро открылось.

В. Д.: Да, 15 мая.

М. Р.: Она сумела рассказать, как она работала, как она общалась у себя на заводе с рабочими-иностранцами и как она в метро могла обучать наших других рабочих такой вот разговорной речи. Были постановки из отдельных сценок на немецком языке. Я вспоминаю, было Шиллера, на испанском — Тирсо де Молина, на английском — это был Бернард Шоу, потом на французском... Алиса Оран, будущая директор первого французского театра¹, она как раз у нас, из нашего же кружка по французскому языку и организовала этот театр. Но уже после войны он перешел в Дом ученых и так он к нам не вернулся. Но родоначальником опять была библиотека. На этом французском театре тогда уже были сыграны сценки из комедий Мольера и Расина. Даже вот Алиса Оран, имея некоторые связи с Художественным театром, получала не только декорации, но и костюмы и грим и гримировала своих читателей, учащих французского языка, и прекрасные были постановки. Она же... У нее была в группе мелодекламация. Я помню матросские песенки. У нас даже в альбоме в архиве остался снимок наших читателей в матросских костюмчиках, где они эту французскую матросскую песню пели на этом вечере смотра.

¹ Имеется в виду Театр на французском языке (TLF), основанный 12 декабря 1939 г. переводчиком Алис Оран (Александрой Орановской). См.: tlf.msk.ru/history.html

В. Д., Иностранный вариант «Синей блузы»?

М. Р.: Возможно. Ну, об этом можно очень много рассказывать. Это было очень интересно и очень заманчиво для других, когда выходил кто-то из читателей и говорил: «Я пришел в эту библиотеку, совершенно не зная языка, а вот сейчас я вам прочту стихотворение Гёте или Шиллера на немецком языке и этим самым покажу, насколько я его знаю».

Я очень хорошо знаю, что многие читатели потом в дальнейшем были специалистами даже по языкам. Ну, конечно, потом они кончали уже и курсы иностранных языков, некоторые — Институт иностранных языков или Педагогический институт, там отделение иностранных языков. Ну, из них, из этих же кружков вышло несколько человек, авторов учебников. Вот я сейчас вспоминаю: Горкина, Эрлих... целый ряд других, я сразу фамилии не помню. Вот это одна часть работы.

Другая часть работы: в это время, во время первой пятилетки приехало очень много иностранных рабочих для передачи опыта в постройке заводов. По всему Советскому Союзу на стройках автозаводов, тракторных заводов на Кузбассе, на Донбассе, в Магнитогорске, Кемерово и других местах на заводах работали иностранные рабочие, и ВЦСПС, зная уже нашу работу, предложило через Наркомпрос взять библиотеке организацию передвижных библиотек для обслуживания иностранных рабочих. Это с одной стороны. А с другой стороны, те наши филиалы, которые были на заводах, они имели задачу также обучить нашего советского рабочего тем элементарным словам, фразам на иностранных языках, которыми они могли бы общаться с иностранными рабочими. Такие были филиалы организованы на АМО, «Электрозавод», «Спартак», «Динамо», «Шарикоподшипник», «Серп и молот», «Дукат»... Но это я так, по памяти.

В. Д.: Это все начало 30-х годов.

М. Р.: Начало 30-х годов, и они продолжились до окончания войны.

В. Д.: Значит, Маргарита Ивановна, последнее, о чем вы сказали, что вот эта работа по изучению иностранных языков продолжалась вплоть до самой войны. Потом она отпала, очевидно, от библиотеки, вас уже не касалась, да?

М. Р.: Ну, в какой-то части оставалась, но она отпала.

В. Д.: Так. Теперь продолжайте, о чем вы хотите.

М. Р.: Да. Так вот, чтобы кончить с массовой работой, я должна сказать, что все тридцатилетие это было посвящено в библиотеке подготовке своего нового читателя, которому она помогала изучать иностранные языки и вся ее работа была именно направлена на то, чтобы сделать человека советского образованным, культурным, помочь ему в этом деле, ознакомить его с лучшими достижениями всей зарубежной культуры и стать, так сказать, в ряду лучших людей нашей страны.

Я честно должна сказать, что новая интеллигенция, она ковалась в этой библиотеке.

Для этого еще мы сделали одно мероприятие: стали давать обзоры новейшей литературы Запада. Вначале это была литературная газета, которая издавалась библиотекой раз в два месяца, которая соответствовала «Хронике» сегодняшней или «Коротко о книгах» и «Хронике» нашей «Иностранной литературы»². А в то время это был единственный источник этих всех знаний. Участвовали здесь крупные ученые: это был Леонид Гроссман, Борис Грифцов, тот же Иван Кашкин — много вот этих умных и образованных переводчиков, которые познакомили уже в самом начале с лучшими достижениями или, вернее, с лучшими именами того времени.

² Возможно, речь идет о постоянных рубриках журнала «Иностранная литература» «Среди книг» и «Из месяца в месяца».

О встречах с иностранными писателями

В. Д.: Уже, наверное, и среднее поколение...

М. Р.: Да, и среднее поколение, конечно. Это очень многим обязано библиотеке. Я вспоминаю, что в 27-м году впервые в Советский Союз приехал (ну, может, не впервые, не знаю), приехал академик Андре Мазон, большой специалист по русской литературе, в особенности по Тургеневу. И вот он прочел у нас лекцию. Это было, так сказать, первое пробное мероприятие. Мы страшно волновались, волновались, что, может быть, не придет достаточно публики, потому что он говорил на французском языке. Действительно, тогда еще пришлось иметь и переводчика, но многие уже и понимали французский язык: ну, какая-то часть интеллигенции, которая сохранила еще с дореволюционных времен знание иностранных языков, очень много было реэмигрантов, которые вместе с Лениным приехали, которые тоже знали французский язык. Одним словом, эта лекция показала, что такие мероприятия очень интересны. А вторым это был Анри Барбюс, который тоже в это время бывал в Советском Союзе, и бывал и в библиотеке. Я как сейчас помню, я встретила Анри Барбюса (я его знала по библиотеке ФОСПа как автора), встретила его на, как это сейчас называется, на теперешней Площади Революции, там был напротив, там, где сейчас музей Ленина, одно время был Горфинотдел, мы еще деньги там получали, бывшая Городская Дума... А вот не Думская ли она называлась площадь?

В. Д.: До революции?

М. Р.: Да.

В. Д.: Воскресенская площадь.

М. Р.: Воскресенская площадь. И вот по этой Воскресенской площади шел он вместе с Аннет Видаль, это его секретарь официальный...

В. Д.: Простите, вы о каком годе говорите?

М. Р.: 27-м.

В. Д.: Нет-нет-нет! Она не называлась Площадь Революции, она называлась как-то по-другому.

В. Д.: Сразу после революции Театральную площадь переименовали в Свердлова, то есть когда умер Свердлов, а...

М. Р.: Но это уже позже. В 27-м году по одну сторону был Горфинотдел, а по другую сторону был «Гранд-отель».

В. Д.: «Гранд-отель» недавно снесли.

М. Р.: Да, его недавно сломали. Да, ну так в общем, мы в середине улицы мы остановились, тут вокруг нас еще были извозчики, всяких лошадей много, или уже и машины, и договорились с ним, что Анри Барбюс придет к нам в библиотеку и сделает лекцию. И отсюда у нас началась очень большая дружба. Я могу как-нибудь отдельно потом рассказать.

В. Д.: Расскажите сейчас. (Хотя ладно, это вынесем.)

М. Р.: Он нам дар подарил, дар нам собрал от всех французских писателей, и этот дар хранится сейчас с отдельными надписями на книгах: «Дар Анри Барбюса».

В. Д.: Что же он подарил?

М. Р.: Он подарил четыреста или пятьсот книг современных французских писателей, которые сам собрал. Кстати, была большая переписка у него с писателями для нашей библиотеки.

В. Д.: С читателями?

М. Р.: Нет, с писателями, французскими писателями, чтобы они прислали книги в дар нашей московской библиотеке. И тогда это был вот конец 20-х годов, как многие, интересно, откликались и с каким удовольствием и радостью они передавали ему для передачи нашей библиотеке в Москве этих книг. И вот эта вся переписка, она была у Аннет Видаль. Я очень ее просила, чтобы она нам ее передала, но, к сожалению, она не передала или, вернее, она пообещала, что она придет, ну а потом уже во время войны, я ее после войны видала, — она сказала, что ей пришлось все это сжечь. Во всяком случае, этой переписки нет. Ну, кое-какая переписка у нас в библиотеке за это время с Анри Барбюсом сохранилась. Если вы хотите, когда я вам отдельно буду рассказывать о писателях, встречах, то с ним стоит, потому что это был довольно длинный период, и в год его смерти (34-й год был³), даже за несколько дней до его смерти я была у него в гостинице и у нас тоже был интересный разговор о развитии дальнейшем нашей библиотеки и так далее.

³ Ошибка: А. Барбюс умер 30 августа 1935 г.

Тогда же приезжал и такой знаменитый литератор Германии Вальцель, Оскар Вальцель. Этот Вальцель, под его редакцией вышла «История немецкой литературы», которую мы отдельными литерами-выпусками получали... Это, может быть, было немножко позже, вероятно, в 29-м году, может даже и в 30-м. Нет, в 29-м году: мы были еще в Историческом музее...

В. Д.: Нам, студентам, был указан Вальцель.

М. Р.: Ну, он старый был, он...

В. Д.: Нам были указаны эти книжечки, может быть, одна или две, я уж не помню.

М. Р.: Это были зеленые большие, они складывались, уже заранее была такая папка, где надпись была полностью: автор и заглавие и выходные данные. Так вот, мы этот вечер устроили в Политехническом музее. Я помню, я тоже ужасно дрожала, потому что мне нужно было открывать, но все-таки я не открывала. Открывал кто-то из писателей, потому что уж очень мне было страшно на эту большую аудиторию Политехнического музея выйти на трибуну и что-то говорить. Вероятно, все-таки это был 29-й год, потому что немножко позже я уже подобные вечера начала открывать, хотя ноги у меня дрожали, и нужно вам сказать, и по сегодняшний день. Я всегда, когда выступаю, как будто я и не волнуюсь, а вместе с тем внутри у меня все дрожит. Вот.

Библиотека нового типа

Ну, в таком, виде, положении... Это был все-таки новый тип библиотеки, отличался от старого типа библиотеки. И другие наши библиотеки советские, они потом очень много взяли, может не от нас было взято, может быть, жизнь так сделала, что нужно было в библиотеке вести эту работу...

В. Д.: Но вы самый тип библиотеки создали...

М. Р.: Вот знаете, это не было заранее предугадано, составлен план, что тип новой библиотеки должен быть в том-то и в том-то. Все время подчеркивала жизнь. Вот какая разница между старой библиотекой и новой? Старая библиотека в дореволюционное время и в начале еще революции, а некоторые, может даже считают и сейчас... Это было так: найти книгу, записать ее в инвентарь, в лучшем случае от руки сделать карточку в каталог, потом поставить ее на полки, а дальше выдать ее в читальный зал, предварительно стерев пыль. Вот и все. И, так сказать, библиотекарь, он тоже должен был быть творческим уже тем, что он должен был отобрать книгу, но дальше от него уже ничего не требовалось. Отобрав книгу, он автоматически, опять-таки стерев пыль, передавал ее читателю. И от библиотекаря тоже... ну, там библиотекарь должен был быть достаточно образован... образование это было безразличное какое, как и что... он должен был больше знать, чем обыкновенный... и то это не обязательно. Зато он должен был обладать обязательно спокойным характером, чтобы не волноваться при разговоре с читателем, приятная внешность, чтобы читатель бы не отвернулся от него тут же, хороший почерк, чтобы можно было бы писать и что-то было еще...

В. Д.: Ах, это что, даже где-то было сформулировано?

М. Р.: Где-то это было сформулировано. Вот я, когда вошла в библиотечный мир, то были такие заповеди для библиотекаря. Хороший характер, вот я не знаю, сказала я или нет?

В. Д.: Да, сказали. Хорошие заповеди. (*Смеется.*)

М. Р.: Да. Значит, внешность должна быть, хороший характер и хороший почерк — вот и все.

В. Д.: И какой-то круг знаний.

М. Р.: Ну, это обязательно, без этого, конечно, нельзя было, но и то. Круг знаний — это все относительно было. Ну конечно, были такие, как, например, Стасов, который всю свою жизнь пробыл в Публичной библиотеке тогдашней в Петербурге, который давал, был кладзем знаний, давал такие консультации нашим, особенно художникам и музыкантам, что и сейчас удивишься, и таких подобных уже не очень много осталось. Но это опять был такой случай, исключение. Кстати, этот тип библиотекаря, который тоже очень много знал, у нас тоже было и с революцией получено. Вот в нашей библиотеке был такой Николай Иванович Пожарский. Он окончил Московский университет еще до революции, был оставлен при университете, но потом пошел библиотекарем. В первую он пошел директором библиотеки, или, тогда называлось заведующим в ГАХН (это Государственная академия художественных наук). Туда, кстати, мы были перевезены, первый раз нашу библиотеку в 24-м году перевезли...

В. Д.: Ну, вы это говорили.

М. Р.: Да, и там и был как раз этот самый Пожарский. А потом он перешел в нашу библиотеку. Это было действительно...

Он знал все! И если его ночью нужно было бы разбудить и спросить там, где такая-то книга или в этой книге где-то что-то — он чуть ли не сказал бы вам страницу. но... вот умер — и всё! И все его знания умерли вместе с ним. Он не оставил того, что оставляют сейчас.

В. Д.: Вы знали такого... Был такой Чулков Николай Петрович?..

М. Р.: Да, конечно.

В. Д.: Ведь это тоже был совершенно неисчерпаемых знаний...

М. Р.: Философ.

В. Д.: Нет, не философ, и символист Чулков Георгий, а Николай Петрович Чулков, тоже библиофил страшный и главным образом знаток рукописей и биографий...

М. Р.: Я Николая Петровича Киселева знала.

В. Д.: Николая Петровича Киселева я тоже знал. Тот знаток редкой книги.

М. Р.: Тот был вообще... да, вообще старые — это Шамурин, Калишевский, Добржинский — это все... Но это вся та плеяда прекрасных, настоящих библиотекарей, которые не были библиотекарями в том смысле слова, которое тогда употреблялось.

Ну так вот, теперь, наша библиотека чем отличалась? С самого начала, даже в уставе было записано о том, что она должна... первая... это еще в 21-м—22-м году, когда только начиналась эта библиотека, было записано, что библиотекари, они одновременно являются консультантами и педагогами. Таких вещей не было. Но действительно это библиотека иностранной литературы. Когда по-русски даже многие не умели читать и писать, а тут нужно было взять в начале революции иностранные языки.

Именно благодаря тому что в коллективе были такие работники, которые сами отдавали свои знания по иностранным языкам, именно поэтому библиотека и получила сразу такое признание.

И признание она получила действительно с первых же ее дней, иначе бы она не существовала по сей день. Вот.

Теперь, значит, дальше. Это выход за пределы этой библиотеки. Первое: с этими самыми граммофонными трубами, граммофонными пластинками в те же Парк Культуры и отдыха, дальше в институты. В 30-х годах, перед самой войной, у нас был филиал в ИФЛИ.

В. Д.: Филиал в ИФЛИ был ваш?!

М. Р.: Филиал в ИФЛИ был. И был такой тоже очень интересный библиотекарь, шуцбундовец⁴ бывший, Эдер, который и сейчас вспоминает...

⁴ Республиканский шуцбунд — Военизированная организация Социал-демократической партии Австрии, существовавшая между 1923 и 1936 гг.

В. Д.: Это не тот, к таким... с шишкой?..

М. Р.: С шишкой!

В. Д.: Я его помню. Как его фамилия?

М. Р.: Эдер, Адольф Эдер, шуцбундовец.

В. Д.: Как шуцбундовец?

М. Р.: Он шуцбундовец. Нет, я сейчас сказала «с шишкой», а сейчас я что-то боюсь, что я, может быть, ошиблась. Он шуцбундовец.

В. Д.: То есть что значит «шуцбундовец»?

М. Р.: Это то, что в Австрии в 34-м году участвовал в коммунистическом движении. И тогда тоже должно было быть такое... ну, революционное восстание.

В. Д.: Лысый совсем и такая шишка на черепе.

М. Р.: По-моему, да, по-моему, да, но я боюсь...

В. Д.: Я помню такого библиотекаря в составе библиотеки ИФЛИ.

М. Р.: Да, но, во всяком случае... Вот вы мне сказали, я как-то сразу сказала «да», а сейчас я боюсь, что может быть и нет. Он после войны был на радио, в австрийской редакции очень долгое время, заведовал даже или там главным был диктором, потом он с Австрией... в этих культурных связях все время участвовал. И сейчас недавно ушел на пенсию. И я его иногда вижу. Встречаю, очень интересный человек. В этом году сорокалетие было этому шуцбундовскому движению, и он тоже участвовал. В наших газетах он об этом писал. Ну так вот. Вот вам второе: то, что библиотека выходила за пределы своих стен.

Дальше. Это раскрытие содержания. Раньше было раскрытие содержания — только каталог, вернее раскрытие заглавия было каталог, а сейчас — раскрытие содержания. Это мы начали аннотациями, а кончили рефератами. И сейчас, в данный

момент, библиотека издает реферативный журнал, бюллетень «Художественная современная зарубежная литература», который по «Союзпечати» имеет очень большой сейчас тираж и пользуется большим спросом. Такой же должен был быть и по искусству, но я не знаю, будет он продолжен или нет. А в библиотеке (это, помню, была моя инициатива) мы сделали такой большой индикатор: заставили столяра сделать нам во всю стену фанерную доску, на ней наклеили такие конверты, тоже из дерева, на конвертах написали заглавие журнала и маленькая короткая аннотация об этом журнале, а внутрь этого конверта на больших карточках делалось содержание каждого номера. И насколько это упрощало читателям... Сколько времени сокращало ему: он просто взял, вынул карточку, сразу посмотрел содержание, какие статьи были, и после этого требовал тот или иной журнал. Вот, к сожалению, хорошая была вещь, но она как-то ушла и не вошла...

Действительно, потому что пошли уже издания. После войны наша библиотека стала до тысячи печатных листов в год издавать: тут и сводные каталоги, и библиографические указатели, и систематические указатели, и вот эта аннотированная карточка на каждую новую книжку, аннотированная карточка на каждую статью в журнале. Вы представляете, тысяча печатных листов! Это почти что издательство. Я вот вспоминаю, например... (Я перебегу немного.) Это где-то было, вероятно, в шестьдесят втором — третьем году, ну, так примерно, может быть, в конце пятидесятых годов. Как-то однажды открывается у меня в кабинет дверь, входит такой большой солидный дядя и кланяется в пояс. И говорит: «Большое вам русское спасибо!» Я думала в первый момент, что, может быть, это что-то такое ненормальное. Я говорю: «А что такое? В чем дело?» «Я, — говорит, — академик Андронов из Горького⁵. Мне шестьдесят лет, и я в своей жизни сорок лет уже занимаюсь научной работой. Из этих сорока лет по крайней мере двадцать лет я разыскиваю литературу, то есть занимаюсь библиографической работой, подсобной к моей непосредственной работе. А вот сейчас благодаря вашим сводным каталогам, благодаря вашим библиографическим указателям, благодаря вашей аннотированной карточке, вы мне сэкономили буквально девяносто процентов времени, которое я могу потратить уже на мою непосредственную исследовательскую работу. Я в свое время был и в Томске, ездил и в Иркутск, и в Новосибирск, и был в Казани, и в Саратове, искал некоторые журналы по своей специальности — физике, находил — не находил, потом я, значит, был в Прибалтике... А вы дали сразу все! И мне не нужно уже сейчас не только куда ехать, но и я уже ретроспективно знаю, где, что и как, и знаю, что сегодня выходит. И на моем столе лежит то наиболее интересное, что мне нужно в моей работе. Но, к сожалению, он вскоре после этого умер, но память я о нем сохранила очень большую. Он, к сожалению, потом сразу уехал в Горький, но все-таки я его несколько раз встречала, академика Андронина.

⁵ Вероятнее всего, речь идет об академике А. А. Андронове (старшем) — физике, механике и организаторе науки, однако он умер в 1952 г.

В. Д.: Академик-физик, да?

М. Р.: Физик, да. Андронов, я уж не помню его имя-отчество. И даже после его смерти его секретарь мне прислала его карточку. Просто она говорила о том, что «он тоже всегда очень хорошо о вас вспоминает, вспоминает вашу библиотеку, вспоминает ваши разговоры, и я своим долгом сочла прислать вам эту карточку». Карточка эта у меня сейчас хранится.

В. Д.: Значит, это о вашей библиотеке как библиотеке нового типа.

М. Р.: Вот.

Вы видите, что эта библиотека — это как бы комбинат.

В то время это только элементы, только начиналось, а дальше это лекторий с этими... А дальше я вспоминаю цикл лекций по Шекспиру Михаила Михайловича Морозова. Ведь на нее очереди стояли. И даже в Москве смеялись, что есть в двух местах: это когда булки свежие у Филиппова, стоят очереди и в Библиотеке иностранной литературы, когда Морозов читает лекции о Шекспире.

В. Д.: На лекции Морозова очереди стояли?

М. Р.: Очереди. Это на самом деле.

В. Д.: Не помню.

М. Р.: Очереди стояли. Это такой Финк писал и описывал...

В. Д.: Кто?

М. Р.: Финк, Виктор Финк. Он описывал. У него есть такая статья, у меня даже рукопись есть.

В. Д.: Михаил Михайлович Морозов в пятилетнем возрасте нарисован Серовым. Мика Морозов, это он?

М. Р.: Он, да. Это он один из очень немногих, который вот остался честно работать для Советского Союза и очень много дал. Он непосредственно работал во Всероссийском театральном обществе. Да вообще, мне даже неловко говорить, что он там работал: он всюду, везде работал. Он был один из популярнейших людей, действительно в смысле культуры для нашей новой интеллигенции дал очень много. Очень жалко, что он так рано умер. Ушел...

В. Д.: Он умер?

М. Р.: Да, он еще до войны умер. Его первая жена, Татьяна Романовна Левицкая, она у нас же тоже преподавала, была консультантом по английскому языку. Она тоже была очень популярна. Ее доклады и особенно занятия (ведь она семинарские занятия вела), тоже была очень большая очередь, чтоб к ней попасть. Да, это было очень интересно.

Вот это и есть новый вид библиотеки. Вы понимаете, значит, на сегодняшний день можно сказать, что это не просто библиотека, это комбинат библиотеки: это библиотека и научно-исследовательский институт, и учебное заведение, и помощь другим библиотекам, и методический отдел, и всеобщность, по всему Союзу... Но это то, что сейчас очень

интересует весь мир. И уже новые библиотеки, особенно в развивающихся странах, они уже и начинают быть такими библиотеками-комбинатами. А у нас это началось еще в 21-м году. Вот почему я всегда говорю, что это новый тип библиотеки.

Ну, иногда не всегда хорошо получается — это из другой оперы. У нас был такой ФБОН — это Фундаментальная библиотека общественных наук. Во главе был чудеснейший человек, Виктор Иванович Шулков, член-корреспондент Академии наук. Поскольку было организовано ВИНТИ по технике и естественным наукам, он все время думал организовать и по общественным наукам. И конечно, информация — это дело хорошей библиотеки. И он именно хотел всю информацию сосредоточить в библиотеке и организовывал...

В. Д.: Это уже недавно, в 60-е годы?

М. Р.: Да, уже в 60-е годы. Он умер лет пять-шесть тому назад. И он начал строительство нового здания, которое вот только что в этом году открыто было в Черемушках. Но после его смерти все это пошло как-то вниз: уже получился не ФБОН, а получился ИНИБОН — Институт научной информации и библиотека общественных наук — ИНИБОН. А на сегодняшний день «Б» уже выброшено, и называется ИНИОН — Институт научной информации общественных наук, а библиотека — при нем. Мне кажется, что Виктор Иванович перевернулся бы в могиле, если бы узнал бы сейчас, что сделали.

” Мне лично кажется, что это неправильно, неверно и рано или поздно придет время, когда именно библиотека станет этим центром всей информации. Нельзя же информировать без книг! Как это можно? Ведь книг же является основой, значит, библиотека является основой.

Меня очень часто спрашивают: «Скажите, пожалуйста, а вам бы не проще было бы сделать каким-нибудь институтом? Вы же такое большое дело делаете. Одна ваша издательская деятельность чего стоит!» И я всегда отвечала: «Нет, не стоит». Только для того чтобы получить немножко больше денег? Это сегодня. А завтра еще неизвестно: может, и библиотекари будут получать выше. А библиотека — это вечно. Это, мы еще знаем, до Нашей эры уже была библиотека. А институты — это уже XIX век, XX век, а в XXI-м не известно, что будет еще новое. Может, институты заменят еще чем-то такое. А информация — это тоже часть этой библиотеки. И, конечно, библиотека должна остаться».

Ну, не знаю, покажет будущее. Меня уже не будет. Посмотрим, что будет. Но я уверена, что библиотека должна сохраниться, что она останется на веки веков и книгу никогда не поменяют ни на какой микрофильм, ни на какую микрокнигу.

” Ну разве вы можете отказаться лечь спать книги? Это же вообще! Лечь спать... Ну просто прилечь, ну просто посидеть... Да как же такое без книги! Даже ее поддержать...

В. Д. (смеется): Да, хороший финал! Ну давайте теперь продолжать то, что вы не договорили хронологически, так сказать, исторически.

М. Р.: Пожалуйста. Мы дошли до войны.

В. Д.: С этим вы более или менее все кончили?

М. Р.: Более или менее. Тут можно еще, конечно, много рассказывать...

В. Д.: Тут осталось у меня... Может, продолжение уже на следующей [кассете]?

Общественная работа

М. Р.: Ну, перед самой войной это была крупная библиотека, которая действительно была культурная организация Советского Союза, помогавшая народу в развитии культуры и самому стать культурным и образованным, то, что всегда говорил Ленин, и выполнить его завет, что коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. И это выработанное богатство нужно, конечно, читать еще и в подлиннике. И вот этим библиотекой и была, так сказать, достоянием и достижением советского государства.

В. Д.: Так. Ну, вы еще хотели добавить тут немножко за это время... Кого вы... Ведь вы одновременно и сами большую общественную работу вели?

М. Р.: Да. Я начала свою общественную работу еще в конце 20-х годов. Так как-то совершенно неожиданно вышла на арену с научными работниками. Секция научных работников была организована при ЦК Союза работников просвещения, и особенно была сильна московская секция научных работников. И на первой же конференции в 29-м году я была избрана от библиотечных работников. В то время я уже такая стала благодаря, может быть, моим взаимоотношениям с многими руководящими работниками.

В. Д.: Уже не робкая.

М. Р.: Да, Уже не робкая. А председатель...

В. Д.: Вы в президиум этой секции вошли?

М. Р.: Я вошла в президиум этой секции, а секция организовала специальную библиотечную секцию. Во главе этой секции стала Дерман Генриетта Карловна. Она была в то время директором Коммунистической академии, которая была в Москве, на базе которой потом был организован ФБОН. А сейчас это...

В. Д.: ФБОН — это как раз бывшая библиотека Комакадемии?

М. Р.: Комакадемии, да. Вот она была директором, а я стала ее заместителем, и этим самым вышла на библиотечный фронт. Мы организовывали много конференций по Москве, потом стали выезжать и в другие города. И где-то, кажется, в 32-м—33-м году на первой же конференции всесоюзной научных работников я была избрана и туда.

В. Д.: Что значит «научных работников»?

М. Р.: Это Центральный комитет секции научных работников.

В. Д.: При Наркомпросе?

М. Р.: Нет-нет-нет. При ЦК Союза просвещения ВЦСПС. А в 34-м году я была избрана депутатом от Свердловского района и пробыла там до конца созыва, то есть перед самой войной.

В. Д.: В Совет рабочих депутатов?

М. Р.: Да, в Совет рабочих депутатов. Здесь, опять таки, и в этой... была председателем комиссии культуры, где, главным образом в районе библиотеки... И с библиотечной общественностью, то есть с библиотечным миром Москвы в общественном порядке я была очень тесно связана благодаря тому, что организовывала три-четыре раза в году разные конференции.

Библиотека в военные годы

В. Д.: Значит, Маргарита Ивановна, продолжаем. Вы хорошо закончили сейчас, но давайте расскажите все-таки судьбу библиотеки после той эпохи, о которой вы рассказали подробно. Значит, если в плане хронологическом, истории библиотеки мы с некоторыми забегами вперед, но, в основном, мы проследили до 32-го—34-го года. Так?

М. Р.: Пожалуй, уже до начала войны. Вот самые последние годы, перед самой войной, самый последний год, это, значит, 40-й—41-й, зимой — это началась уже подготовка к двадцатилетию библиотеки. И общественность московская, она этому способствовала. Это действительно, как я уже вам говорила, считалось очень большим культурным достижением Советского Союза, и, конечно, хотелось это как-то такое поставить в соответствующие рамки. Уже тогда стоял вопрос о новом здании библиотеки, стоял вопрос, может быть, даже и о награждении библиотеки.

И тут вдруг началась война. Меня война застала на даче в воскресенье 22 июня 41 года. Но буквально через час — через два после выступления...

День рождения М. И. Рудомино 3 июля 1935 г. в Барвихе. М. И. Рудомино, С. П. Королев, К. М. Винцентини (жена С. П. Королева), Адриан Рудомино (сын М. И. Рудомино) и В. Н. Москаленко), друзья. Источник: архив семьи Рудомино

В. Д.: Молотова.

М. Р.: ...председателя Молотова по радио мне позвонили из ЦК партии. У меня на даче был телефон. Жила я, и сейчас живу, наша дача в поселке старых НКРКИстов⁶, в Барвихе... Был звонок из ЦК партии, чтобы я немедленно приехала. Но к этому времени уже по нашей Усовской ветке были отменены все поезда.

⁶ НКРКИ — Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции, орган советской власти, занимавшийся вопросами государственного контроля. Расформирован в 1934 г. Кооператив НКРКИ появился в Барвихе в 1927 г., сейчас это место называется ДПК «Новь».

Машина моя легковая, которую я, кстати, получила... Вот это я не рассказывала, это интересный момент... Получен был дар испанского народа, и вот тогда именно в благодарность мне была предоставлена персональная машина от наркома просвещения Тюркина. Эта машина была мобилизована сразу, в воскресенье 22 июня, и я даже не знала, как мне добраться до города. К счастью, один из работников ЦК партии, товарищ Федосеев Владимир Александрович, он отдыхал в Барвихе в кремлевском санатории, и так как он тоже сразу ехал в город, то мы с ним договорились, что я на большой дороге встану как раз напротив примерно нашей дачи, он меня привезет. И действительно так и было.

И когда я приехала в ЦК, вызвал меня начальник, заведующий управлением агитации и пропаганды товарищ Поликарпов. Он меня знал еще и по Наркомпросу и кроме того очень часто и так вызывал отдельно, и сразу предложил мне работу в радио. И я категорически сумела доказать... отказаться, сумев доказать, что это будет нецелесообразно бросать библиотеку. Тогда он тут же мне дал задание по библиотеке: стать антифашистским центром контрпропаганды, главным образом собирать материал для контрпропаганды для воинских частей, для ПУРа⁷. Он дал мне впридачу довольно большую группу студентов Института иностранных языков, зная, что у нас составлена уже была тогда библиография [«Антифашистские» писатели] и по их произведениям и по последней прессе фашистской мы могли бы находить такие перлы, как, например, высказывание Геббельса «пушки вместо масла».

⁷ ПУР (в описываемый период — ГУПП РККА) — Главное управление политической пропаганды Рабоче-крестьянской Красной Армии, военно-политический орган, осуществлявший партийно-политическую работу в Вооруженных силах СССР.

В. Д.: Это разве Геббельс, а не Гитлер?

М. Р.: Геббельс сказал. Вот это я помню.

В. Д.: Я думал, что это Гитлер сказал «пушки вместо масла». Это много раз везде цитировалось.

М. Р.: Да. Ну, и я тут же... Я помню, нас очень долго задержали... Я очень поздно ночью возвращалась. Уже нужны были пропуска. Пропуска у меня еще тогда не было. Но все-таки я дошла каким-то образом до дому, и со следующего утра уже началась очень активная работа именно по информации ПУРа теми материалами, которые нашей большой бригаде библиотекарей и студентов иностранных языков удавалось найти.

Теперь, в июле мы лучшую часть фонда эвакуировали вместе с музейными ценностями в Саратовскую область, в город Хвалынский. И буквально уже через год нужно было их перегруппировать в связи с приближением фронта к Сталинграду на Урал, что и было нами сделано. Ну, для того чтобы эту часть закончить, должна сказать, что к концу войны мы получили весь наш груз, который ездил тоже с нашими отдельными работниками, в целостности и сохранности, и мы сейчас это все бережно храним.

В. Д.: Вы с эшелонами по эвакуации музейных ценностей?..

М. Р.: Да, и библиотечные ценности.

В. Д.: Ну да, и Литературный музей тоже там шел.

М. Р.: Да. И... забыла, кто был директором Музея революции, старый большевик...

В. Д.: Мицкевич там был.

М. Р.: Нет-нет, после Мицкевича. Вдруг у меня выпало из памяти... Он после этого был в Госплане... Я вспомню, конечно... Не в этом дело... Петровский!

В. Д.: Ах, Петровский! Тот Петровский, который на Украине был председателем ВЦИКа?

М. Р.: Да-да. Он был нашим руководителем всего эшелона. И отправили мы это баржами по Москве-реке. А кстати...

В. Д.: С этими же баржами эвакуировался и Литературный музей.

М. Р.: Возможно. Все музейные ценности и все библиотечные ценности... А зимой уже библиотека, которая, конечно, на три четверти, а может даже больше закрыла свою работу, уже и читальные залы не функционировали, большинство сотрудников, в том числе и я, мы уехали в эвакуацию. Я вынуждена была 16 октября, как и все, бежать, потому что я представила себе, что, если в случае чего, то я буду одна из первых, как потом многие даже и говорили, повешена тут же, на площади Моссовета, в Саратов, где были мои дети. Но очень быстро я вернулась. И уже в феврале 42-го года я вновь вернулась в библиотеку.

Так вот, в это время зимой и без меня и потом со мной библиотека была таким тоже своеобразным штабом по помощи нашей Красной Армии в расшифровке трофейных документов и даже в обучении готическому шрифту.

Вы знаете, что до войны немецкий язык преподавался в нашей советской школе только с латинским шрифтом? И молодежь, в том числе и офицеры и младший военный состав, он не знал готического шрифта.

В. Д.: Я-то еще в школе учился по готическому.

М. Р.: По готическому? Я тоже училась по готическому.

В. Д.: А разве сейчас?..

М. Р.: Нет, сейчас уже и тот и другой — и латинский, и готический шрифт. А тут вот было время, как раз вот гитлеровское время было, когда мы готического шрифта не изучали.

В. Д.: Ну, а газеты выходят сейчас на каком?

М. Р.: По-моему, на латинском. Впрочем, я не знаю. На латинском, по-моему.

В. Д.: Они перешли в целом, так сказать?

М. Р.: Они перешли, но, вероятно, это уже после войны, потому что одно из первых постановлений Гитлера было именно «только на готическом шрифте». Ну, он же все старое, нибелунги, все старое только брал, что когда-то было. И поэтому все документы, все были на готическом шрифте. А поскольку наша молодая часть военная не знала, а фронт был недалеко от Москвы, они приезжали к нам, и мы их обучали здесь, в библиотеке, готическому шрифту. Ну, и одновременно переводили те документы трофейные, которые они нам давали для передачи.

Очень быстро библиотека стала уже в военное время работать. Нужно сказать, тут были наши разные отношения с Америкой, с Соединенными Штатами, тут были разные отношения и с рядом зарубежных стран. Мы делали разные выставки. В самый разгар бомбежек (это было в конце 41-го — 42-го году) была помещена большая статья в «Московской правде» Чуковского «Книги и бомбы»⁸, что, с одной стороны...

⁸ См. Чуковский, К. Книги и бомбы. // «Вечерняя Москва». — 1941. — 9 окт. — С. 4. <https://electro.nekrasovka.ru/books/2999/pages/4>

Страница газеты «Вечерняя Москва» со статьей К. Чуковского «Книги и бомбы». Источник: electro.nekrasovka.ru

В. Д.: Не помню.

М. Р.: Помните, да?

В. Д.: Нет, не помню. В «Московской правде»? Я не читал ее.

М. Р.: Да, в «Московской правде». Очень интересная была статья, где он как раз о судьбе книг и о фактическом положении Москвы, когда еще москвичи занимались, а в это время бомбы разрушали. Кроме того, вот была американская выставка, где тоже даже в американских газетах писали, что, с одной стороны, идет война, а с другой стороны, в московской Библиотеке иностранной литературы выставка «Лучшие произведения американской старой литературы». Одним словом, уже началась полностью работа. Но помещение было повреждено, а в один из первых дней...

Здание церкви Космы и Дамиана, где до войны располагалась Библиотека. Источник: архив семьи Рудомино

В. Д.: А ваше тогда какое было здание?

М. Р.: Столешников переулок.

В. Д.: А на Купеческом же был?..

М. Р.: Сейчас, подождите.... Упала зажигательная бомба. Но наши дежурившие сотрудники, в том числе одна очень старая, чуть ли не семидесятилетняя заведующая отделом хранения, она сумела по очень узенькой лестничке церковной подняться на крышу и вместе с мальчишками двора, которые ей показывали эту дорогу, которые, вероятно, лазали тогда, когда мы, вероятно, и не знали, что они лазают, вот в это перекрытие между куполом и крышей была ликвидирована, потушена эта самая зажигательная бомба.

Помещение Библиотеки в Столешниковом переулке. Источник: архив семьи Рудомино

В. Д.: Попавшая в перекрытие между куполом и крышей?

М. Р.: Попавшая в перекрытие церкви Космы и Дамиана на Столешниковом переулке, 2. Вот примерно в эту же самую ночь попали такие же несколько зажигательных бомб на Книжную палату, которая находилась на Новинском бульваре, сейчас улица Чайковского, это, по-моему, бывший дом Гагарина, который полностью сгорел и которого уже на сегодняшний день нет. И там уникальные каталоги, которые... Очень трудно их было опять возместить.

В. Д.: Да, это была... На Новинском бульваре, ближе к Кудринской, площади Восстания, если идти от Кудринской, то с левой стороны.

М. Р.: Да. И война, она уже имела крен (хотя это был еще 43-й год), крен к выигрышу. Откровенно говоря, она даже имела крен уже с января 42-го года, с декабря 41-го года, когда мы отогнали немцев от Москвы. И тогда почувствовали, что нужно опять восстанавливать библиотеку. И вот здесь вот, уже в 42-м году нам удалось получить Лопухинский переулок. Лопухинский переулок — это был филиал Музея Революции.

В. Д.: Да, Общество старых большевиков. Нет-нет, бывших политкаторжан. Общество бывших политкаторжан и музей, музей «Каторга и ссылка».

М. Р.: Ну вот, видите, вы даже лучше знаете, чем я! И в это время там была военная организация, и эта военная организация ни за что не хотела уходить. И тогда мне удалось попасть к Землячке, которая ведала культурой Совета министров СССР, тогда еще Совнаркома, и Землячка дала предписание, приказ о том, чтобы это помещение передали Библиотеке иностранной литературы. Ну, тогда...

В. Д.: А вы просили об этом еще до войны?

М. Р.: Нет-нет-нет, до войны этого не было.

В. Д.: А почему вы об этом стали просить?

М. Р.: Потому что Столешников переулок требовал очень большого ремонта, особенно после этой зажигательной бомбы. Там была даже дыра. Ее надо было законопатить. Кроме того, мы уже тогда делали... У нас для книг не было помещения из одного зала. Мы просто закрыли и сделали книгохранилище. И читателей уже почти некуда было помещать. И прекрасно все понимали, что нужно что-то такое новое. Музей Революции весь выехал, он был абсолютно пустой. Это помещение не требовало большого ремонта, действительно оно было занято военной организацией. Но когда дала приказ и предписание Землячка, то один этаж, второй, был нам освобожден, а первый этаж временно все-таки еще оставлен и был освобожден только перед самой войной.

Читальный зал Библиотеки в Столешниковом переулке. 1930-е гг. Источник: архив семьи Рудомино

В. Д.: Как «перед самой войной»?

М. Р.: Перед самым окончанием войны. А это было освобождено в 43-м году, и в 44-м году мы в Лопухинском переулке на втором этаже открыли читальные залы.

В. Д.: Я толко там проходил.

М. Р.: Ну, дальше. Моя судьба была немножко по-другому... Не судьба, а просто работа. Меня Наркомпрос послал еще в одно место. А в это время было организовано Главное управление... Вернее, нет, Комитет по делам культпросветработы. И в Комитет по делам культпросветработы вошла и наша библиотека, туда, в этот комитет. И вот этот комитет...

В. Д.: Будущее министерство культуры?

М. Р.: Да, будущее министерство культуры. Во главе его стояла замечательная женщина, с моей точки зрения, Татьяна Михайловна Зуева, которая в последнее время работала в Доме дружбы у Поповой, была одной из ее заместителей и умерла несколько лет тому назад еще сравнительно молодой женщиной.

В. Д.: Зуева была в ЦК...

М. Р.: В ЦК, совершенно верно.

В. Д.: ...по культуре...

М. Р.: По культуре, совершенно верно. Видите, вы все знаете!

В. Д.: Я был у нее на приеме.

М. Р.: А потом она стала, значит, председателем.

В. Д.: Чего председателем?

М. Р.: Председателем Комитета по делам культпросветучреждений при Совнаркоме РСФСР. Вот как это называлось. А заместительницей ее была такая Людмила Вячеславовна Чекина, которая была ее заместительницей в ЦК. Она и сейчас жива. Она работает у Дурова, в этом самом уголке или что-то в этом духе.

В. Д.: И вторая помощница Орлова была...

М. Р.: Вера. Вера... Помню. Но та, умерла.

В. Д.: У меня там тоже был интересный эпизод. Мне удалось ее убедить в своей правоте, хотя она меня очень враждебно встретила, но мне удалось ее переубедить, и попрощалась она со мной уже по-другому. Речь шла о выставке Маяковского в [Литературном] музее. Интересно то, что это было 18 июня. Она мне сказала: «Ну, мы этим займемся...»

М. Р.: Какого года?

В. Д.: 18 июня 1941 года. Она сказала: «Мы с вами этим займемся. Приходите ко мне через неделю». А 22 июня началась

война.

М. Р.: Ну, если уже оставить Зуеву... Она просто была умная, принципиально честная, такая настоящая коммунистка, и мне очень жалко, что она так рано умерла и как-то так себя не показала. Хотя у меня тоже с ней бывали и конфликты, просто потому что она в тот момент еще недостаточно разобралась в деле.

Библиотека в послевоенное время

Так, ну вот война кончилась. Мы имели прекрасное здание. Второй этаж нам тоже освободили и оставили.

В. Д.: То есть первый этаж тоже освободили.

М. Р.: Первый этаж тоже освободили. И оставили нам и Столешников. В Столешникове мы сделали полностью книгохранилище. Оно страшно разрослось и за счет трофейных фондов разрослась библиотека, и за счет дара американского в какой-то части, и за счет тех книг, которые мы сумели получить в других библиотеках. Одним словом, это были те годы, когда библиотека раза в два увеличила свой книжный фонд.

И тогда же встал вопрос о том, какое же направление... [Сразу после войны, когда страна] залечивала свои раны, когда она очень быстрыми темпами восстанавливала все эти разрушения, которые нанесли фашисты, уже изменилось очень много в положении... В развитии наших культурных организаций. Вопрос, например, об иностранных языках стоял совершенно иначе. Начались организации курсов и при ГОРОНО, и при РАЙОНО, и при отдельных учреждениях, и отдельные кружки, и просто отдельные курсы иностранных языков. Одним словом, вопрос обучения иностранным языкам уже был снят другими организациями.

В. Д.: Это уже не ваше дело.

М. Р.: Это уже стало не наше дело.

Теперь, стыки наук. Стыки наук гуманитарных и общественных с естественными науками: лингвистика с математикой, философия с биологией и так далее... И вообще, науки на месте не стоят, они очень сильно развиваются, многое видоизменяется, культурное наследие человечества уже совершенно иначе понимается и иначе обсуждается. Одним словом, вопрос встал о том, что нужно пересмотреть те ценности, которые накопила библиотека в смысле своих задач, и что же делать дальше библиотеке.

Ну, библиотека все-таки вернулась опять в самом начале к своему прежнему читателю — педагогу иностранных языков, педагогу, который стал стремиться писать кандидатские работы, некоторые даже докторские. По этой линии был организован семинары для сдачи... Тогда это называлось аспирантский минимум.

В. Д.: Это и сейчас есть.

М. Р.: Нет, ну, минимум уже не называется. Они как-то... аспирантские экзамены называются. В общем, по языку были организованы такие семинары. Но опять таки все это было не то. А тут в это время, в 46-м году Совет министров уже Советского союза постановил организовать издательство «Иностранная литература» при Совете министров СССР. И это издательство проходило единой строчкой...

В. Д.: Отдельной строчкой.

М. Р.: ...отдельной строчкой по Госплану Советского союза. Да, и я вспоминаю... И к этому же времени, в этом же постановлении были отменены валютные ассигнования всем библиотекам, за исключением Библиотеки Ленина и Салтыкова-Щедрина, ну, и конечно, Академии наук. И наша библиотека выпала в отношении пополнения фонда новой литературы, книжных фондов, без валюты. Ну, вначале мы, так сказать, тоже с молодым легкомыслием считали, что несколько лет мы можем прожить с тем старым, что есть. Особенно мы получили очень много разных фондов отовсюду, нам было что, но, честно говоря, внутренне мы сами понимали: старые фонды — это старые фонды — это правда сегодняшняя нужна. Та же коммунистическая печать нам нужна сегодняшнего дня, та же, может даже, и отдельная буржуазная печать нужна сегодняшнего дня, журналы нам нужны сегодняшнего дня. И мы очень быстро поняли, что, конечно, какое-то время мы еще можем прожить, но через очень быстрое... просто месяцы мы можем скатиться до маленькой библиотечки обыкновенного типа, которая, конечно, ни для науки, ни для культуры уже той помощи, которую она давала, она дать не может.

В. Д.: Ну, это неверно. Библиотека старой...

М. Р.: Ну и что ж! Одним же Шекспиром и Шиллером и Гёте вы же не будете жить! Ну сколько можно жить? Сколько можно прожить? Когда сейчас новые имена, когда совершенно новые взаимоотношения у нас получились с зарубежными странами, когда война только что кончилась, когда отделились социалистические страны, когда нам надо было дать об этих новых наших друзьях какие-то сведения — мы же этого ничего не могли сделать! Сейчас назревал Восток. Действительно, мы Восток значительно позже организовали. Это ладно, но все равно Восток тоже был интересен. А сегодняшний день, послевоенный? Та же Америка и всё... Нет, это вы не говорите! Ну, другими словами, это было так, как-то однажды я со своими...

В. Д.: Вы стали хлопотать?

М. Р.: Нет, я ничего еще не стала хлопотать, потому что это было совершенно безнадежно в смысле валюты. Это было железно. Это было постановление самого Сталина, за его подписью. Это была его собственная мысль. Он именно хотел сделать такое издательство «Иностранная литература», в котором он будет сам принимать участие. Он поставил во главе тогда одного из его ближайших, кажется, даже помощников, товарища Сучкова. И, одним словом, о том, чтобы можно было бы подумать о том, что все-таки могут вернуть хотя бы маленькую валюту (валюта была централизована вся), маленькую

валюту для отдельных учреждений, в том числе и для нашей библиотеки, хотя я вам рассказывала, удельный вес ее был большой, но она не была все-таки тем учреждением, о котором...

В. Д.: Издательство «Иностранная литература» вас, так сказать, переплюнуло и оттеснило?

М. Р.: Выходит, да. Может быть, не желая. Оно еще не переплюнуло, потому что оно только начиналось. И вот в один прекрасный день вдруг ко мне приходит Сучков и делает предложение: у нас, говорит, в постановлении есть строчка: «Организовать библиотеку иностранной литературы». Но я знаю вашу библиотеку и считаю, что это нецелесообразно. Давать новую библиотеку государству не стоит. Мы получили сейчас огромные деньги. (Они в то время получили полмиллиона валюты. Это старыми деньгами, которые...).

В. Д.: Полмиллиона долларов?

М. Р.: Долларов... Нет, золотых рублей. Но это даже больше, чем... Книга тогда была сравнительно дешева, и это можно было в год десятки и десятки тысяч книг получать. И плюс еще чуть ли не... Я не знаю, в то время — половину периодики. Но нужно вам сказать, что единственное, что сразу меня очень смутило — это профиль. Потому что там были естественные науки (издательство), а у нас — только гуманитарные науки.

В. Д.: У вас не было до войны совсем?

М. Р.: Ничего не было. И то, у нас главным образом было языковедение и литературоведение, а все общественные науки, именно как марксистское изучение отдельных наук на базе общественного развития, у нас получались очень небольшое количество книг, тем более по общественным наукам, тем более, что существовала библиотека Коммунистической академии, Академии наук, да та же и Ленинская, хотя она очень мало выписывала, почти нет, и Ленинградская публичная выписывали — вот три библиотеки, которые выписывали еще сравнительно широко общественные науки по сравнению с нами. И вот тогда встал вопрос: идти к Татьяне Михайловне Зуевой? Это значит, конечно, получить отказ полностью.

В. Д.: Почему?

М. Р.: Она никогда не отдаст свою библиотеку в ведение издательства «Иностранная литература».

В. Д.: В каком смысле «свою»?

М. Р.: Ну, мы же были в ее ведении, мы были в Комитете по культурно-просветительной деятельности. А она как председатель этого комитета, конечно, не отдала. Ведомство тогда уже было очень сильно. И каждый держался очень сильно за каждое свое учреждение, так же, как и сегодня. Попробуйте вы у министерства культуры отнять какое-нибудь его учреждение. Оно вам просто не отдаст. Вот. И тогда тот же Сучков мне сказал: «Знаете, я вас уважаю, вы являетесь организатором этого учреждения. Я вас знаю уже много лет, будучи еще студентом ИФЛИ, а потом уже и литературоведом. Я всегда пользовался вашей библиотекой и всегда получал именно то, что нужно. Я прямо вам должен сказать: я не буду ни у кого спрашивать разрешения. Мне важно ваше мнение, а я буду действовать так, как я найду нужным». Ну, я говорю, дайте мне хотя бы немножко посоветоваться. Ну, я, значит, здесь тоже так, кулуарно и вообще очень неофициально посоветовалась со своими сотрудниками, потом со своими друзьями, своим мужем и еще... Так сказать, получила разные мнения. И я пришла к заключению: это действительно очень большой риск, но это единственный способ...

(Запись обрывается.)